

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по научной и инновационной
работе ФГБОУ ВПО «Забайкальский
государственный университет»
доктор технических наук, профессор
Хатькова Алиса Николаевна

_____ 2016 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
на диссертацию Нагапетян Карины Жирайровны «Языковое
бытие и исторические метаморфозы миропроговаривания русской
культуры», представленную на соискание ученой степени кандидата
философских наук по специальности 09.00.13 – философская
антропология, философия культуры

О связи языка и культуры, о роли языка в культуре писали ещё с античных времён. В Новое время язык был предметом исследований многих философов. Безусловно, огромную роль в рассмотрении роли языка в культуре сыграли идеи В. Гумбольдта. Определяя язык как развивающуюся систему, отражающую развитие мышления, Гумбольдт акцентировал внимание на связи языка и духовной культуры – «О различном строении человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1836-1839). Идея о конструирующей роли языка в культуре получила отражение в культурной антропологии и в психолингвистике. Анализ взаимосвязи языка и культуры во второй половине XX в. был актуализирован в семиотике, внимание акцентировалось и на процессах коммуникации, конец XX – начало XXI в. – расширение когнитивного подхода, как в лингвистике, так и в гуманитарной науке в целом. Изменения в языке стали

связываться с определенными культурными парадигмами и их сменой. И, наоборот, язык стал рассматриваться как пространство рефлексии этих культурных особенностей и изменений, место, где происходит «кристаллизация» культурных универсалий.

В связи с этим, тема диссертации Нагапетян Карины Жирайровны «Языковое бытие и исторические метаморфозы миропроговаривания русской культуры» представляется актуальной.

Целью данного исследования является «установление сущностных характеристик языкового бытия русской культуры» (диссертация, с. 6). Реализация данной цели потребовала обращения к широкому спектру трудов зарубежных и отечественных авторов по проблемам языка и культуры. В качестве теоретической основы диссертационного исследования выступают идеи М. Хайдеггера и М. Эпштейна. (Правда, диссертант почему-то называет это «источниковой базой исследования»). Эти идеи, как пишет автор диссертации, «определили видение исключительности природы русской языковой реальности, способности слова к бытию в русской культуре» (диссертация, с. 7). Обзор этих концепций и понятий представлен в разделах «Степень разработанности» и «Источниковая база исследований». Содержание раздела, посвященного степени разработанности исследуемого вопроса, отражает глубокое понимание автором историко-теоретических аспектов данной проблематики. В разделе «Методология и методы исследования» определены основные, используемые в работе методы исследования. Ведущим методом выступает диалектический, с помощью которого «выявлена взаимосвязь и взаимозависимость русской культуры и русской языковой реальности, мышления и языка, зависимость видения мира от языкового каркаса» (диссертация, с. 6). В качестве специального метода выступает историко-типологический метод, который, как пишет автор, включает подходы «философско-антропологический, культурологический, лингвистический» (диссертация, с. 7). На наш взгляд, это неверная формулировка: скорее философский, культурологический, лингвистический

подходы включают историко-типологический метод. А в работе диссертанта как раз удачно явлен междисциплинарный подход (включающий в себя использование историко-типологического метода в разных гуманитарных науках), именно это позволило автору создать «возможность для всестороннего анализа проблематики работы» (диссертация, с. 7).

Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих 7 параграфов, заключения и библиографического списка. Актуальность исследования раскрыта, цель и задачи представлены во всей полноте, структура работы наглядно соответствует поставленным задачам и логике исследования, охватывает утвержденную тематику.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту, отражены в содержании работы.

В первой главе «Языковая реальность как форма бытия мировоззрения в культуре» диссертант рассматривает проблему связи языка и мышления в системе миропроговаривание-миропонимание, определяет место языковой реальности в культурном пространстве. Автор диссертации пишет о тесной взаимосвязи между культурной и языковой картинами мира, подчеркивает, что «именно язык хранит и передает культурную картину мира, являющуюся первичной по отношению к нему, через миропроговаривание и миропонимание. Таким образом, слова не просто называют вещи, но и встраивают их в картину мира. Посредством языковой реальности формируется языковая картина мира...» (диссертация, с. 13).

В первом параграфе «Миропроговаривание – миропонимание в языковой реальности этноса, класса, поколения» представлен анализ подходов к проблеме мировоззрения и языковой реальности. Обосновывается эвристическая значимость определения связи языка и мышления в системе миропроговаривание – миропонимание. Определяя саму схему миропроговаривание – миропонимание как инверсию схемы, отражающей содержание мировоззрения – мироощущение, мировосприятие, миропонимание, автор стремится доказать, что предложенная им схема

(миропроговаривание – миропонимание) в большей степени актуализирует роль языковой реальности как «основного фактора формирования взглядов на мир, отношения к объективной реальности» (диссертация, с. 14), её значение «транслятора знаний и жизненных позиций в культурном пространстве социума, а также средства получения этих знаний об окружающем мире» (диссертация, с. 14). Такой подход, по мнению диссертанта, наиболее продуктивен для выявления особенностей мировоззрения этноса, класса, поколения. Для решения основной задачи параграфа – установления «связи и зависимости мировоззрения от языковой реальности, механизмов зависимости видения мира и картин мира, складывающихся в сознании людей под влиянием конкретного языка через миропроговаривание-миропонимание» (диссертация, с. 14) – автор стремится «выявить закономерности, характерные для мировоззрения носителей конкретной языковой реальности, механизмы постижения мировоззрения носителей иной языковой реальности» (диссертация, с. 14).

В параграфе представлена попытка рассмотрения и определения особенностей такой языковой общности, как класс и поколение. Для определения сущности языковой реальности автор обращается к понятию «концепт». Концепт определяется им как «вербально выраженная сущность действительного мира, посредством которой осуществляется бытие человека внутри определенной культурной среды» (диссертация, с. 22).

Автор делает вывод, что именно через русскую языковую реальность выражается русское миропонимание, мировоззрение, культурная среда. Однако вызывает сомнение, эвристичность определения, которое диссертант дает культурной среде: «Культурную среду также можно охарактеризовать в качестве народного духа, искажения которого приводят к исчезновению народа» (диссертация, с. 24). А что в таком случае «народный дух»?

Сомнение также вызывает и утверждение о доминировании языковой составляющей в процессах идентичности. Да, она важна. Однако вряд ли человек «идентифицирует себя, прежде всего, как носитель той или иной

языковой реальности, являющейся основой его мировосприятия, противопоставляет свои взгляды на мир, сформированные в данном языке взглядам других языковых носителей» (диссертация, с. 24). Человек прежде всего идентифицирует себя как человек, и сравнение языковых картин не всегда ведёт к противопоставлению, иначе бы нам пришлось отрицать возможность взаимодействия культур. К слову, этническая идентичность не всегда определяется языковой принадлежностью, и тому примеров масса, в том числе и в России. По-разному рассматривается и роль языка в современных этнологических концепциях (примордиалистских, конструктивистских, инструменталистских).

В определении понятия «миропроговаривания» автор опирается на идеи М. Хайдеггера. Автор диссертации указывает на то, что миропроговаривание - миропонимание существует сразу в двух плоскостях: во внешнем и внутреннем мире (диссертация, с. 30).

Во втором параграфе «Чувственное и символическое в языковой реальности» языковая реальность рассматривается как пространство взаимодействия физического и символического универсумов. Выявляется связь между языковой символизацией и культурными особенностями.

Автор достаточно подробно анализирует рассмотрение символического и чувственного в языковой реальности в истории философии. Процессы символизации в языке рассматриваются на основе работ И. Канта, Гегеля, Ф. де Соссюра, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и др.). При анализе чувственной составляющей языковой реальности автор опирается на труды И.П. Павлова, А.Н. Леонтьева. Диссертант стремится определить аспекты взаимодействия чувственного и символического в рамках языковой реальности. К примеру, пишет, что «посредством языка происходит развитие чувственной сферы его носителей. Овладевая выразительными средствами языковой реальности, индивид расширяет систему концептов об окружающей действительности, тем самым увеличивая число чувственных переживаний. Таким образом, происходит не только расширение понятийной

сетки и концептуального аппарата, но, также, расширение и преобразование чувственной составляющей его сознания и ментальности» (диссертация, с. 39).

Иногда автор, вероятно, излишне увлеченный идеями М. Эпштейна, отказывает субъекту языковой деятельности в наличии свободы выбора языковых средств и языкового поведения, и более того в самой субъектности этой деятельности: «Языковая реальность больше не являет собой сущность субъективного толка, она существует как объективное образование, не зависящее от мыслей, эмоций и желаний людей. Возможность говорить о языке, как языковой реальности, а также относить языковую реальность к реальности высшего порядка, координирующей действия и поведение социума, указывает на абсолютную самодостаточность и независимость входящих в неё концептов». Безусловно, такое категоричное утверждение нуждается в большем обосновании, чем это есть в диссертации.

Формы и содержание объективации языковой реальности раскрываются в диссертации с помощью анализа языкового каркаса современной научной картины мира, представленного в третьем параграфе. Этот «языковой каркас», его формирование и развитие рассматривается в контексте становления научной картины мира. В определении понятия «языковой каркас» автор апеллирует к трудам Р. Карнапа, рассматривающего языковой каркас как особый род языковой системы, подчиненной определенным правилам. Автор диссертации приходит к заключению, что «языковая реальность, будучи теоретическим выражением научной картины мира, получает свое идейное воплощение при помощи специально созданного языкового каркаса, включающего в себя различные концепты» (диссертация, с. 56). Однако при всей значимости этого языкового каркаса вызывают сомнения утверждения автора, что изменения самой научной картины – это прямое следствие смены языкового каркаса. «Смена языкового каркаса ведет к неизбежной смене научной парадигмы и, как следствие, научной картины мира. Языковой каркас является не просто продуктом

идейного оформления конкретной языковой реальности, он есть двигатель науки, основной выразитель онтологической проблематики конкретного исторического периода» (диссертация, с. 61). По сути, автор утверждает, что прогресс науки детерминируется её языком, однако при этом непонятно, чем определяются изменения в самом языке науки, особенно в период научных революций.

Во второй главе диссертации «Исторические метаморфозы миропонимания в русской культуре» определяются особенности русской языковой реальности как динамичной, развивающейся системы. Автор рассматривает различные сферы становления и изменений языковых констант: русского фольклора, русской религиозной философии, русской коммунистической идеологии и современные процессы сакрализации брендов. Автор связывает эти изменения с мировоззренческими парадигмами определенного культурного периода, взаимосвязанными с процессами в миропроговаривании.

Задачей параграфа «Мирозидание в онтологической структуре русского фольклора» является анализ «мирозидания в субстанционалистской терминологии русского фольклора, который заключен в рассмотрении основных концептов картины мира» (диссертация, с. 65-66).

В качестве мировоззренческих констант, нашедших отражение в концептах русского фольклора, автор называет: общность, идейное единство, патриотичность, любовь к природе. Однако автор недостаточно аргументирует, почему эти константы-концепты присущи только русскому фольклору. На наш взгляд, эти характеристики особенно вполне можно отнести к фольклору многих народов. Так, «любовь к природе» – это универсальная черта фольклора.

Впечатление о работе снижает также отсутствие ссылок на фундаментальные исследования, в которых фольклор рассматривался не просто как филологическое явление, а определялось его место в национальной и мировой культуре, рассматривался генезис и становление

фольклора с точки зрения динамики культуры. Это труды представителей мифологической и исторической школ фольклористики, работы сторонников миграционной теории. Особенно полезным для диссертанта было бы знакомство с работами Ф. Буслаева и Н. Веселовского. Автор же предпочел опираться почти исключительно на статьи последних лет современных авторов, опубликованные в журналах и сборниках.

Довольно часто автор дает такие характеристики специфики русского фольклора, которые вполне могут быть отнесены ко всему мировому фольклорному наследию: «Деление мира на доброе и злое, темное и светлое – обязательное условие русской фольклорной традиции. Постоянная бинарная оппозиция характеризует все народное творчество в русской культуре» (диссертация, с. 75). К слову, и бинарность – общее свойство фольклора.

Некоторые авторские утверждения нуждаются в предметном обосновании, без которого они кажутся определенного рода фантазиями: «В традиции русского фольклора отсутствовал страх смерти, так как было возможно воскрешение, ее преодоление. Смерть воспринимали **скорее позитивно, нежели негативно**, как нечто неизбежное, как конец существования в одном мире и начало существования в другом мире – мире потусторонних сущностей» (диссертация, с. 76).

Задачей исследования является рассмотрение концептов картины мира русского фольклора не с точки зрения лингвистики, как это делалось прежде, а с позиций философского анализа данных концептов. Между тем, в заслугу автору может быть поставлено обоснованное в тексте утверждение, что русский фольклор может рассматриваться как предфилософская форма мировоззрения, находящаяся в органической связи с мировоззрением последующих культурных эпох и, являющее в себе первые попытки решения смысложизненных проблем, определивших специфику русской религиозной философии.

В параграфе «Любовь в русской религиозной философии» реализована попытка проанализировать «философскую сущность концепта «любовь» как главной ценности русской культуры, выраженной через концепт русской языковой реальности» (диссертация, с. 82).

К сожалению, несмотря на яркую содержательность параграфа, в нём присутствуют расхожие клише типа: «Духовность – это та черта, которая отличает русскую культуру и менталитет от западного типа мировоззрения, основанного на материальных ценностях и отражающего совершенно иной тип миропонимания» (диссертация, с. 83).

Кроме того, непонятно: речь идет о теме любви, категории любви или концепте любви в русской религиозной философии.

Вызывает некоторое недоумение идеализация и излишняя спецификация особенностей мировоззрения, отраженного в русской философии. Так, автор пишет: «Любовь, согласно русскому миропониманию – это высшая трансценденция, заключенная в Боге» (диссертация, с. 89). На самом, во-первых, этим не исчерпывается «русское миропонимание», во-вторых, в параграфе рассматриваются особенности религиозной философии, в которой всегда идет речь о любви к Богу, вспомним хотя бы учение Августина Аврелия.

Вообще во всех явления «русского миропонимания» автор видит только положительное и возвышенное. К примеру, пишет: «На связь любви с сакральным, возвышенным началом указывает ряд русских пословиц и поговорок, например: «Где любовь, тут и Бог», «Нет ценности супротив любви», «Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается» (диссертация, с. 90). Однако, хотелось бы заметить, что фольклор отражает многие весьма противоречивые отношения. Но автор почему-то забывает о существовании других русских пословиц, например, о пословице о «зле любви» и её «животном» объекте.

В работе присутствуют неаргументированные утверждения: «В старославянском языке любовь представляла значимое явление, обозначая

любовь к богу или истинную любовь и любовь ложную, порочную. Для старославянского сознания любовь представляла некую сакральную сущность, являясь и эстетической ценностью» (диссертация, с. 91). Автор знает старославянский язык или опирается на чье-то мнение?

В то же время полагая, что «концепт любви в России есть кодификация божественной трансценденции в слове, выступающем в качестве онтологической, гносеологической и методологической категории всей русской философии» (диссертация, с. 97), автор выходит на ключевое положение данного параграфа, априорно принимаемое, но всё же нуждающееся в соответствующем анализе.

В третьем параграфе «Расчистка культурного сознания в языковом мире русского коммунизма» автор анализирует феномен советской идеологической модели как механизм исторических метаморфоз системы «миропроговаривание – миропонимание». Однако в параграфе не определяется особенность именно «русского коммунизма» по сравнению с другими «национальными формами» коммунизма. Не совсем ясно, идет ли речь о русском коммунизме или о советской идеологической модели. Стремление автора двигаться в русле идей Н. Бердяева, понятно и вряд ли может вызвать особый протест, однако оно должно быть обоснованно.

Иногда авторские утверждения противоречат друг другу. Так, автор пишет: «Вторжение в пространство русской языковой реальности иноязычных концептов может приводить к упрощению мировоззренческой парадигмы, изменять культурную обстановку и культурное сознание индивидов, что происходило, например, в эпоху социалистических преобразований в России» (диссертация, с.96). Затем чуть ниже утверждает: «Русский коммунизм в качестве своих корней имел верования народа и новые верования рабоче-крестьянских масс» (диссертация, с. 97).

Некоторые выводы слишком категоричны. Автор пишет: «Анализируя языковое сознание эпохи русского коммунизма, можно сделать следующее заключение: советизмы составляли языковой каркас советской эпохи, на

основе которого формировались языковая картина мира и мировоззрение индивидов через миропроговаривание-миропонимание» (диссертация, с.104). Автору, видимо, не совсем понятно, насколько сложным феноменом является национальный язык, как он формируется и от каких факторов зависит. Всё же стоило бы обратиться к фундаментальным работам по этой теме.

Ряд утверждений в диссертации вообще вызывает ощущение, что автор в принципе не знаком со значимой художественной литературой этого периода – произведениями А. Платонова, К. Паустовского, В. Распутина, Ч. Айтматова и других известных писателей. Иначе диссертант вряд ли бы написал следующее: «Русская языковая реальность постепенно превращалась из великого и могучего языка, созданного для прославления и поэтизации отдельных явлений действительного мира в обычный инструмент манипулирования, тотального контроля и продвижения идей в массы, опускаясь до уровня обыденного» (диссертация, с. 108). Отмечая, что глобальные изменения, происходившие в течении XX века в России, не могли не затронуть языковую картину мира, и более того именно в языковой картине мира этот «великий перелом» наиболее заметен автор, безусловно, прав. И поэтому вызывает сожаление, что в диссертации недостаточно отражена сложность «языковой реальности» и «языковой картины мира», включающих разные уровни и соответственно разные формы выражения.

В четвертом параграфе «Сакрализация бренда в современной русской культуре» рассмотрен феномен бренда как квазисакральное явление, как пространство стирания грани между иллюзией и подлинником, господства симулякров. На основе сделанного анализа автор утверждает, что «стремление к сакрализации отдельных явлений и способность русской речи к наделению слов самостоятельным бытием, а также потеря изначального смысла многими понятиями – вот два основных фактора устойчивого закрепления такого феномена, как бренд в русской культуре».

Конкретное личное участие автора в получении результатов диссертации

В диссертационном исследовании представлено исследование сложной и чрезвычайно актуальной проблемы выявления сущностных характеристик языкового бытия русской культуры, механизмов его становления и изменения. Способ языкового бытия русской культуры автор рассматривает в пространстве связи языка и мышления в системе миропроговаривание – миропонимание. Определяя языковую реальность как особую форму бытия культуры, автор содержательно описывает исторические изменения в процессах миропроговаривания русской культуры.

Степень достоверности результатов проведенных исследований

Выводы, полученные автором в теоретической части диссертации, основаны на анализе наследия зарубежной и отечественной мысли, работ, посвященных проблемам связи языка и культуры, языковой картины мира, особенностей языкового пространства русской культуры. Используемая методология в рамках философии культуры с применением междисциплинарного подхода и историко-типологического метода позволила автору систематизировать полученные результаты и реализовать попытку определения сущностных характеристик языкового бытия русской культуры. Полученные диссертантом теоретические выводы соответствуют положениям известных исследований в контексте философии культуры, определяющих взаимосвязь языка и культуры и её механизмы.

Оценка новизны и практической значимости.

1. Рассмотрена роль языковой реальности в развитии культуры, значение языковых констант в социокультурных процессах.

2. Представлена авторская модель становления мировоззрения "мирпроговаривание" - "миропонимание", связанная с языковым пространством культуры и самим способом формирования культурных универсалий.

3. Определена характеристика чувственного и символического уровней языковой реальности в контексте рассмотрения специфики мировоззрения различных социальных общностей: этноса, класса, поколения.

4. Актуализирована роль языкового каркаса науки в смене научных парадигм.

5. Рассмотрены «исторические метаморфозы миропонимания» в русской культуре, определены те элементы языковой реальности и концептосферы, которых оказывали детерминирующее влияние на становление, закрепление и трансляцию определенных универсалий культуры. В качестве объектов этого рассмотрения автором диссертации выбраны: фольклор, русская философия, языковая реальность советского периода, феномен брендов.

Практическая значимость

Практическая значимость исследования связана с выявлением языковых механизмов становления и изменений культурного пространства и в том числе пространства русской культуры. Результаты исследования могут быть использованы в определении задач культурной и языковой политики, направленной на воспроизводство и сохранение национальной культуры. Материалы диссертационного исследования могут быть включены в содержание учебных курсов по философии культуры, культурологии, философской антропологии, спецкурсов по проблемам связи языка и культуры.

Замечания по диссертационной работе

1. Автор упускает из виду наличие целого пласта исследований, направленных на выявление содержания и факторов детерминации культурных характеристик и их изменений явлениями языковой реальности. В частности, в диссертации даже не упоминаются работы по Э. Сепира и Б. Уорфа, труды по социальной лингвистике известного отечественного исследователя Н.Б. Мечковской.

2. Автор настаивает на том, что языковой каркас науки определяет развитие науки, в то же время, известно, что в период научных революций вслед за сменой парадигм меняется и научный язык.

3. Автор излишне акцентирует моменты специфики русского фольклора и не берёт во внимание концепции, определяющие общие типологические черты фольклора как феномена мировой культуры.

4. Определяя особенности концепта «любовь» (хотя из содержания диссертации не совсем ясно, речь идет о концепте или категории) в русской религиозной философии, автор вдруг совершенно забывает, что многие такие особенности вовсе не особенности русской религиозной философии, а особенности религиозной философии как таковой.

5. Автор, утверждая, что в советский период «великий и могучий язык» превращается в средство манипуляции и контроля, упускает из виду, что в любой языковой реальности есть возможности и механизмы манипуляции (о чем говорилось ещё с античных времён). Кроме того, язык – это сложное многоуровневое явление, и в нем есть как уровень быденного, так и уровень высокохудожественного, о чем свидетельствует и литература советского периода.

Соответствие диссертации требованиям ВАК РФ.

1. Представленное диссертационное исследование является законченной квалификационной работой, выполненной автором самостоятельно, на достаточном для исследований данного типа научном уровне. Представленные в работе материалы достоверны, выводы и рекомендации обоснованы. Результаты исследования могут быть использованы при решении прикладных задач в культурной политике.

2. Диссертационная работа базируется на анализе достаточного объема теоретических материалов, используются соответствующие предметной области методы исследования. Источники диссертационного исследования являются репрезентативными с точки зрения цели и задач диссертации.

3. Основные этапы работы, выводы и результаты представлены в автореферате, содержание которого в целом соответствует содержанию диссертации. Апробация диссертационной работы демонстрирует

достаточный уровень востребованности результатов исследования и компетентность автора, что подтверждается основными публикациями.

На основании вышеизложенного мы можем утверждать, что диссертационное исследование Нагапетян Карины Жирайровны «Языковое бытие и исторические метаморфозы миропроговаривания русской культуры» соответствует требованиям п. п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры, и ее автор, Нагапетян Карина Жирайровна достойна присуждения ученой степени кандидата философских наук.

Отзыв составлен доктором философских наук, доцентом, профессором кафедры философии ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» Бернюкевич Т.В., обсужден и принят единогласно на заседании кафедры философии ЗабГУ (протокол № 7, от 16 марта 2016 г.).

И.о. заведующей кафедрой философии
ФГБОУ ВПО «Забайкальский
государственный университет»,
кандидат философских наук, доцент

Кондакова Наталья
Сергеевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Забайкальский государственный
университет» (ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)
Алекса́ндро-За́водская, д.30, г. Чита, 672039, Россия.
Тел. (302-2) 41-64-44, 41-66-00. Факс (302-2) 41-64-44.
Web-server: www.zabgu.ru. E-mail: mail@zabgu.ru